

Синьюань Янь мысленно принял решение. Лицо его тут же разгладилось, приняв спокойное и бесстрастное выражение, и он обратился к Лунъян-цзюню:

— В таком случае прошу вас, Лунъян-цзюнь, написать об этом нашему государю.

Лунъян-цзюнь высказал всё это лишь из упрямства, поддавшись минутному раздражению в споре с Синьюань Янем. Он прекрасно понимал, что Вэй не в силах тягаться с могущественным царством Цинь, однако горячая юношеская кровь взяла своё. Слова генерала загнали его в тупик — теперь отступить было поздно.

Немного помолчав, он всё же пошёл на попятную и неохотно пробормотал:

— Разумеется... Но я бы попросил вас, Приглашённый генерал, составить это послание вместе со мной. Нам нужно тщательно взвесить каждое слово, чтобы не разгневать правителя.

Синьюань Янь давно служил вместе с Лунъян-цзюнем и сразу уловил его замешательство. Не желая усугублять неловкость, он поспешил дать собеседнику возможность сохранить лицо:

— Разумеется, я помогу.

Затем Синьюань Янь вежливо поклонился Шаоюань-цзюню:

— Время уже позднее, да и изменить ничего нельзя. Нам с Лунъян-цзюнем нужно обсудить содержание доклада государю. Господину Шаоюань-цзюню стоит пораньше лечь отдохнуть и набраться сил перед дорогой.

Шаоюань-цзюнь прекрасно понял вежливый намёк на то, что его присутствие при этом разговоре будет лишним. Впрочем, он прибыл сюда вместе с Синьюань Янем и точно так же заблуждался, полагая, что циньский принц ранен стрелой. Он был свято уверен: упав в бурную реку с тяжёлой раной, Ижэнь обрёл свою смерть и спастись никак не мог.

«У Вэй теперь нет путей к отступлению, — размышлял про себя Чжао Дэ. — А значит, я могу со спокойной душой уйти и не мешать им».

Потому он с лёгким сердцем поклонился:

— Что ж, вы славно потрудились, господа. Позвольте мне откланяться.

С этими словами Шаоюань-цзюнь непринуждённо развернулся и вышел, оставив хозяев обмениваться горькими усмешками.

Они вовсе не желали ввязываться в войну между Цинь и Чжао, но судьба сыграла с ними злую шутку. Стоило Лунъян-цзюню вспылить, защищая честь своего государя от обвинений в трусости, как царство Вэй оказалось под подозрением в убийстве циньского наследника — на потеху злорадствующим чжаосцам.

Отойдя в укромное место, скрытое от посторонних глаз, Синьюань Янь с тревогой в голосе спросил:

— Лунъян-цзюнь, о чём вы только думали? Мы оба — доверенные слуги нашего государя. Здесь нас никто не услышит, так что говорите начистоту: каков ваш замысел?

На лице Лунъян-цзюня отразились досада и глубокое раскаяние.

— Моё тщеславие и избалованность монаршей милостью навлекли на государя беду, — сокрушённо признался он. — Сначала я хотел лишь припугнуть циньского принца и взять его живым. Но когда стрелы одна за другой полетели мимо, я потерял голову от ярости. И в итоге сам загнал его в реку.

Стиснув зубы, он решил полностью открыться генералу:

— Скажу вам честно, Приглашённый генерал: перед нашим отъездом государь тайно приказал проверить военные амбары. Зерна в закромах осталось ничтожно мало. Царство Чжао после битвы при Чанпине лишилось четырёхсот тысяч молодых мужчин. Они без конца твердят об альянсе против Цинь, но откуда им взять воинов? Вся тяжесть войны ляжет на плечи наших вэйских сыновей! Если мы проиграем, то вместе с Чжао лишимся земель, выплатим огромный выкуп и станем вассалами Цинь. Если победим — поляжем мы, а плоды победы придётся делить поровну с Чжао, да ещё и наживём смертельного врага в лице Цинь. Этот союз несёт нам лишь разорение и гибель. Мой гнев лишил меня разума... Прошу вас, найдите выход. Если потребуется — выдайте меня Цинь. Я готов ответить за смерть их принца головой.

Лунъян-цзюнь занимал особое место в сердце вэйского государя, и больше всего Синьюань Янь опасался, что юноша из гордости упрётся и погубит себя. Видя его искреннее раскаяние, генерал поспешил изложить свой замысел:

— Циньский правитель во всём полагается на своего канцлера Фань Суя. Помните битву при Чанпине? Бай Ци уже готов был взять Ханьдань, но Фань Суй нашептал государю свои сомнения, и тот приказал отступить, лишившись верной победы. А ведь Фань Суй по рождению вэйградец! Своим гонителям он уже жестоко отомстил, и в душе его наверняка теплится тоска по родине. Если мы отыщем его старых друзей и поднесём щедрые дары, канцлер Фань вполне может снова склонить циньского вана к миру. Всё ещё можно исправить, так что не вздумайте делать глупостей.

Лунъян-цзюнь выслушал его с сомнением. Нахмурившись, он медленно произнёс:

— Но ведь циньские войска уже стояли под стенами Даляна. Циньский ван ненасытен, упустит ли он столь удобный случай сокрушить Вэй, когда мы сами дали ему в руки такой предлог?

Синьюань Янь снисходительно усмехнулся:

— Вы излишне тревожитесь. Чжао Дэ спит и видит, как привлечь нас на свою сторону, поэтому он ни за что не станет кричать на каждом углу о гибели Ижэня. А если промолчит сейчас, то позже, когда наше царство откажется от союза, его обвинениям никто не поверит. Как циньский ван поверит, что заложник, содержавшийся в Чжао, вдруг лишился жизни на землях

Вэй? Попробуйся Чжао Дэ использовать это для шантажа — и они мгновенно превратят нас в злейших врагов. Так что об этой ночи знаем лишь мы с вами да Шаоюань-цзюнь. На этом всё и закончится.

Но даже эти доводы не заставили Лунъян-цзюня поверить в благородство Фань Суя. При одном упоминании о циньском канцлере юноша со злостью стиснул зубы. По его глубокому убеждению, этот человек был мелочным и мстительным ничтожеством, не прощавшим ни единой обиды.

Когда-то Фань Суй служил простым приживальщиком у вэйского канцлера Цзя Сюя и сопровождал его в посольстве в царство Ци. Своим красноречием он так очаровал циского правителя, что тот осыпал его щедрыми дарами и тайно предложил остаться при дворе в качестве почётного советника. В знак особого расположения циский ван преподнёс ему горы золота, нефрита и отборную говядину, которую подавали лишь на пирах для самых важных гостей.

Фань Суй благоразумно отклонил приглашение и вернул драгоценности, однако не устоял перед угощением и принял мясо. Этот, казалось бы, пустяк и пробудил подозрения в душе вэйского канцлера Цзя Сюя. Их разговор с глазу на глаз ни к чему не привёл: Фань Суй так и не сумел доказать свою преданность.

Вернувшись на родину, Цзя Сюй, испугавшись утечки государственных тайн, поделился своими опасениями с близким другом — вельможей Вэй Ци.

Вэй Ци отличался буйным и необузданным нравом. Едва услышав о возможном предательстве, он велел схватить Фань Суя и забить его палками до полусмерти. Решив, что пленник испустил дух, Вэй Ци приказал бросить его тело в отхожую яму и велел слугам мочиться на него, дабы проучить изменника и преподать урок остальным.

Однако Фань Суй выжил. Очнувшись, он с чужой помощью тайно покинул вэйские земли под вымышленным именем и бежал в Цинь.

Завоевав безграничное доверие циньского вана, Фань Суй сполна отплатил своим врагам. Сначала он прилюдно растоптал достоинство Цзя Сюя, а затем добился того, чтобы циньский правитель потребовал у вэйцев голову уже покончившего с собой Вэй Ци. Из черепа своего мучителя мстительный канцлер повелел изготовить ночной горшок, над которым издевался каждый день.

Пусть Вэй Ци и действовал излишне жестоко, им двигала лишь забота о благе своей родины, к тому же речь шла о государственной тайне. Смерть была слишком суровым наказанием за его ошибку. Но даже если Фань Суй жаждал мести, самоубийство обидчика должно было полностью искупить былые прегрешения. То, как циньский канцлер глумился над прахом покойного, вызывало у Лунъян-цзюня лишь глубокое отвращение.

Лунъян-цзюнь не верил, что столь злопамятный человек способен простить вэйцам былые

обида и заступиться за их царство перед циньским ваном. Он прямо высказал свои опасения Синьюань Яню:

— Фань Суй никогда не забудет перенесённого позора. К тому же во время охоты за Вэй Ци мы оскорбили его дважды. Не воспользуется ли он нашей слабостью, чтобы стереть Вэй с лица земли?

Слова Лунъян-цзюня заставили генерала призадуматься. В воздухе повисло гнетущее молчание. Лишь спустя долгое время Синьюань Янь снова заговорил:

— У циньского наследника больше двух десятков сыновей, и Ижэнь никогда не был его любимцем. Да и у самого циньского вана внуков и правнуков без малого сотня. Неужели вы думаете, что он помнит каждого из них в лицо? Полагаю, известие о смерти безвестного заложника не слишком его опечалит. Куда заманчивее для него покорность нашего царства. Разве что он использует эту кончину как предлог, чтобы выторговать у нас побольше уступок.

Мысль о том, что им придётся откупаться от Цинь дополнительными уступками, уязвила гордость Лунъян-цзюня. Однако, помня, что сам заварил эту кашу, он не посмел возразить и лишь смущённо кивнул, густо покраснев.

Заметив его замешательство, Синьюань Янь мягко произнёс:

— Не корите себя. Что сделано, то сделано. Наша задача сейчас — исправить последствия и исполнить волю нашего государя.

И всё же чувство вины не оставляло юношу. Пользуясь особым доверием вэйского вана, он решил взять весь удар на себя:

— Прошу вас, господин генерал, позвольте мне первому составить послание. Моё признание смягчит гнев государя, и он не станет винить вас.

Синьюань Янь с улыбкой покачал головой:

— В этом нет нужды. Мы напишем два доклада и подробно изложим наши соображения. Пусть государь сам рассудит, как поступить.

— Да будет так, — согласился Лунъян-цзюнь. На этом они и порешили.

Шаоюань-цзюнь и не подозревал о тайном сговоре вэйцев. Наутро, пребывая в полной уверенности, что союз против Цинь у него в кармане, он радушно обратился к посланникам:

— Господа, уповаю на то, что вы во всех красках распишете вашему государю выгоду от нашей совместной борьбы против Цинь.

Лунъян-цзюнь вежливо поклонился:

— Возвращайтесь в Чжао со спокойной душой, господин Чжао Дэ. Мы же поспешим во дворец,

дабы подробно доложить обо всём правителю.

— Ваши слова вселяют в меня надежду. Буду ждать добрых вестей из Даляна. Прощайте!

С этими словами Шаюань-цзюнь вскочил в седло и, попрощавшись, пустил коня в галоп по дороге на Чжао.

Как только его силуэт растаял вдали, Синьюань Янь повернулся к Лунъян-цзюню. Обменявшись с ним понимающими взглядами, генерал отдал сопровождавшему их отряду чёткий приказ:

— Разбить лагерь! Всем силам прочесать реку вниз по течению. Мне нужен циньский принц: живым или мёртвым!

Втайне оба надеялись на чудо. Если бы Ижэня выбросило на отмель живым, они бы выходили его, окружили заботой и с величайшим почтением доставили в Сяньян. Тогда циньский принц сам подтвердил бы мирные намерения Вэй, и над их головами не разразилась бы гроза новой войны.

Цинь Цзычу, прошедший после падения в воду долгую ледяную ночь в полузабытьи, понятия не имел, куда его вынесло течением. Очнувшись, он обнаружил себя укутанным в несколько слоёв плотных шерстяных одеял, а рядом жарко трещал костёр. Не обнаружив рядом младенца, он резко сел. Превозмогая пронзившую всё тело боль, Цзычу в панике закричал:

— А-Чжэн! А-Чжэн, где ты?!

В то же мгновение раздался лязг доспехов. Десятки вооружённых воинов сомкнули кольцо вокруг его ложа.

У Цзычу перехватило дыхание от страха. Однако вопреки его худшим ожиданиям, строй разомкнулся, и вперёд вышел статный, крепкий старец с окладистой седой бородой. В руках он бережно держал знакомый свёрток. Окинув распростёртого на земле чужака суровым, испытующим взглядом, старик отступил на шаг, едва Цзычу рванулся к нему, и поспешно передал младенца стоявшему позади воину.

— Верните... отдайте мне сына, — прохрипел Цзычу.

Не обращая внимания на военачальника, он устремился к молодому солдату, державшему ребёнка. Голос его сорвался на шёпот, ноги подкосились, и он едва не рухнул на сырую землю.

Старик подхватил его под локоть, не дав упасть, и бросил быстрый взгляд на подчинённого со свёртком. Присмотревшись к изнурённому гостю, чьи полные отчаяния глаза были прикованы исключительно к ребёнку, старый воин заметно смягчился, и подозрительность в его зоре уступила место сочувствию. Уложив Цзычу обратно на шкуры и укрыв одеялом, он спросил:

— Кто ты такой и как оказался без чувств у самых границ нашего лагеря?

Цзычу на миг растерялся, осознав, что бурные речные воды унесли его далеко от места погони. С трудом покачав головой, он спросил пересохшими губами:

— С моим мальчиком... с ним всё хорошо? Он не заболел? И... где мы находимся?

Старик недоуменно нахмурился, но ответил сдержанно и терпеливо:

— С дитятей всё в порядке. Ты уберёг его от воды, он сух и невредим. Мы стоим под Еся. А теперь отвечай: кто ты и какими судьбами здесь очутился?

«Еся? — растерянно подумал Цзычу. — И где это, видит небо?»

Присмотревшись к доспехам окруживших его воинов, он с замиранием сердца узнал в них вэйское облачение — точь-в-точь как у тех преследователей на реке. «Из огня да в полымя», — промелькнуло в голове.

Но Цзычу не зря выживал в чужом царстве. Мгновенно сориентировавшись, он извлёк на свет ту самую выдуманную историю, которой обманул Лунъян-цзюня, слегка приукрасил её и заговорил:

—... Кто же знал, что лодочники окажутся речными разбойниками! Им мало было забрать все наши пожитки, эти душегубы покусились на наши жизни. Лишь благодаря верным слугам, которые помогли мне прыгнуть в воду вместе с сыном, мы уцелели...

Цзычу тяжело, сокрушённо вздохнул, и лицо его подёрнулось тенью глубокой скорби. Он с надеждой устремил взор на седовласого командира:

— Скажите, почтенный генерал... Удалось ли спасти кого-то ещё? Моих людей...

Старик угрюмо покачал головой, желваки на его лице заходили ходуном:

— Боюсь, река увлекла тебя в боковой рукав, а твои слуги сгнули или остались далеко позади.

Цзычу медленно повернул голову к молодому ратнику, у которого на руках спал младенец. Одеяло слегка сползло, обнажив его бледное, изящное плечо. Во взгляде пленника читалась беззащитная, щемящая мольба.

Солдат густо покраснел под этим взглядом и поспешно опустил глаза.

«Три года в походах — и свинья покажется первой красавицей царства! — пронеслось в его голове. — А этот изящный, утончённый господин смотрит на меня с такой невыразимой надеждой, что сердце готово выпрыгнуть из груди. Нельзя же так... я ведь не железный, могу и не сдержаться!»

<http://bllate.org/book/18277/1750301>